

Сердце знает горе души своей, и в радость его не вмешается чужой (Притч. 14, 10)

Я, когда прочёл этот стих из притчей Соломоновых, был поражён. Стих входил в явное противоречие с поговоркой, известной не только у нас на Руси: горе разделённое — половина горя, радость разделённая — двойная радость.

Притчи Соломоновы, в первый раз, я прочёл где-то в конце 1995 года. Потом ещё, и не раз, перечитывал. За книгой Притчей Соломоновых, в Библии, идёт книга Екклесиаста, авторство которой приписывают Соломону. Она тоже поражает своей мудростью. Но мой рассказ не о мудрости. Мой рассказ о горе. О горе, самом страшном в жизни любого человека — смерти мамы

Прощание славянки

*и каждый сердца гулкий тук,
в моих висках взорвётся болью,
и горечь слёз, смешавшись с кровью,
замкнёт по нервам жизни круг*

В феврале заболела мама.

Я приехал в гости субботним днём, в начале мая. От остановки до родительского дома минуты две ходьбы. Я подошёл к калитке и что-то шевельнулось под сердцем. Обычно, в эти дни, мама занималась либо огородом, либо палисадником; но ни в палисаднике, ни на огороде я её не увидел.

Сходил в туалет. Постоял на дворе, как бы в ожидании, разулся на крылечке и зашёл в дом.

В доме родительском было две комнаты. Одну из них, побольше, мы называли залом, другую спальней. Прихожая и кухня, сени, кладовка, верандочка.

Когда перешагиваешь порог в прихожую, сразу видно - есть ли кто на кухне. Кухня по левую руку от двери. Никого. Стою в прихожей и прислушиваюсь. Тишина. Кухня от прихожей отделяется дверным проёмом, но двери нет. Мама навешивала шторку, но кухня самая посещаемая комната и шторка всегда была сдвинута влево, и перехвачена шнурком с петелькой, зацепленной к гвоздику, вбитому прямо в стену. Проём в зал, из прихожей, был пошире и тоже без двери, и тоже зашторенный, но уже двумя, которые зимой мы просто раздвигали, чтобы тепло от печи на кухне шло и в зал. А летом шторки были сдвинуты. Назойливые мухи конечно находили щели, но хотя бы не летали роями туда-сюда.

Я заглянул в зал. В зале стол, диван и тумбочка с телевизором, который ловил несколько каналов, но более-менее нормально показывал только один. Отец днём отдыхал на диване, а ночью спал. На диване отца не было, значит на работе.

Стаж у отца более пятидесяти лет. Сорок из них он проработал на тракторе. А когда вышел на пенсию, где-то года через три стал работать кочегаром в деревенской бане. Вышел, конечно, громко сказано. Помню как мама уговаривала его оформить пенсию, а отец ни в какую. В итоге мать сама собрала все необходимые бумаги, и сама и оформила отца на пенсию. Проблема, при оформлении отца на пенсию, оказалась очень серьёзной: у отца не было паспорта. Он может и был, но либо потерялся, либо просрочен. Отец же в отпуск, и не раз, ездил по путёвкам на курорты. А при оформлении пенсии нужен паспорт. А паспорта нет. Нет паспорта — нет пенсии. Мама рассказывала, что в паспортном столе, в райцентре, ей

подказали — Принесите свидетельство о рождении мужа. Легко сказать: паспорта то не нашли, а свидетельства и тем паче. Мы то в Сибири, а отец родом с Волги. Ну маме ещё раз подказала сердобольная паспортистка — Так напишите письмо матери вашего мужа, если ещё живая, она вам и вышлет свидетельство. Отец с 30 года. Пенсионером, формально, стал в 1990 году, а бабушка Таня - в мир иной - ушла в 1988. Тупик. Паспортистка ещё раз помогла: составила запрос и мама отправила его заказным письмом в Нижнюю Орлянку, Сергиевского района (Самара, а тогда Куйбышев). Через какое-то время пришёл ответ: такой здесь не рождался. Мама рассказывала, но я уже мало что помню. Но свидетельство о рождении отца ей всё же прислали. Девичья фамилия мамы - Гавриленко, а её родители (мои бабушка и дедушка) родом откуда то из под Харькова. Но мама родом уже сибирячка. Отец частенько «обзывал» маму хохлушкой за её упрямство. А мама тож в долгу не оставалась, и «обзывала» отца кацапом и москалём. А свидетельство о рождении отца пришло из Башкирии. Помню как мама подшучивала — Я то думала ты кацап, а ты башкир.

Дверь в спальню была прикрыта. Я подошёл и открыл дверь. Мама лежала на кровати.

- Сынок, приехал. А я вот болею.

Я присел на край кровати. Мама взяла мою руку и расспросила про жену и внучек. Потом, помолчав, рассказала про болезнь. У меня защемило сердце и к горлу подкатил противный комок. Сколько я себя помнил, с самого раннего детства, мама не болела. Может быть и болела, но вспомнить я не смог.

- Что ж я лежу, сынок, пойдём хоть чаю с дороги попьёшь - мама встала и мы прошли на кухню. И было видно, что каждый шаг причиняет ей боль ...

Через полчаса пришёл на обед отец и стало веселее.

Утром, в воскресенье, отец на кухне колдовал над чаем. Мешать ему в это время было очень опасно; мог и обматерить под горячую руку. А получилось вот что: я подошёл к раковине, он у нас стоял в углу, в прихожей, и намылив руки и лицо, хотел умыться. Но вода закончилась. Мама стояла рядом, опираясь на косяк дверного проёма и увидев, что воды нет, сказала - Отец, налей воды в умывальник, кончилась.

- Пусть сам нальёт, ты же видишь - я чай завариваю!

- Да у него руки мыльные.

Схватив ковш, и набрав воды из-под крана на кухне, отец подбежал к умывальнику и одним движением опрокинул ковш в бачок. Всё произошло очень быстро и мама не успела сказать, что с бачка не снята крышка. Крышка была стеклянная и отец, в спешке, не заметил её.

Я прямо ощутил это напряжение, зависшее в воздухе, но сдержаться не смог и засмеялся. Беззвучно, одними глазами, смеялась мама. Виновато улыбнувшись и беззлобно ругнувшись, засмеялся папка и пошёл за водой.

В конце августа, стоя за кульманом на работе, я вдруг отчётливо осознал, что зимовать отец будет один. Меня обволокло тоской, которую невозможно выразить словами, выпал из руки карандаш и я застыл, уставившись взглядом в полотно ватмана, не видя его. Мама заготавливала на зиму варенье, и я всегда увозил с собой от родителей баночку малинового или смородинового. Но в этом году всю собранную ягоду я увёз в город ...